

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкава

Выбери меня

Р О М А Н

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 Выбери меня : роман / Вера Колочкова. —
Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-100368-5

Кто знает, где больше счастья — когда ты любишь или когда любят тебя? Своего первого мужчину Варя любила до самозабвения, но он решил с ней расстаться. Второй полюбил ее так, что пылинки с нее сдувал, но она была к нему холодна. И вот наконец судьба подарила ей любовь взаимную, правда, увы, с женатым мужчиной. Как быть — отказаться от счастья или начать жизнь с чистого листа, не думая о чувствах других людей? А есть ли у нее право ломать чужие судьбы?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100368-5

© Колочкова В., 2019
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2019

«Скорый поезд Воркута — Сочи прибывает на третий путь... Стоянка поезда двадцать минут...»

Голос диктора был сонным и недовольным, будто поезд Воркута — Сочи вовсе и не должен был прибыть на вокзал точно по расписанию, а свалился ниоткуда, заставив диктора вынырнуть из дремотного расслабленного состояния.

«Наверное, хорошо им там, в поезде... — вяло подумала Варя, рассматривая некрасиво сломавшийся ноготь на большом пальце. — Едут себе из холодной Воркуты в теплый Сочи, с наслаждением предвкушают... И правда, вот бы оказаться в том поезде, в купе на нижней полке! Хотя можно и на верхней, какая разница... Проснуться от толчка вагона, который остановился, услышать далекий сонный голос диктора... И догадаться из своего сладкого спросонья — ага, вон в какой город прибыли... Большой город... Глянуть бы на него в окно, да неохота...»

Интересно, когда же она успела сломать ноготь? Наверное, когда вещи собирала, уходя от Максима. И не заметила, не до того было. Если б тогда землетрясение случилось или дру-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

гой какой катаклизм, она бы тоже не заметила, наверное. Так все быстро и жестко произошло! Можно сказать, судьба сломалась, вся ее жизнь — разбилась вдребезги! А тут какой-то ноготь — подумаешь...

Варе никогда не приходилось проводить ночь на вокзале потому, что некуда больше идти. Бывало, слышала от других о таких вынужденных ночевках и вздыхала жалобно — бедные, мол, бедные... Но чтобы себя соотнести с этими «бедными» — такое и в голову не приходило. Но разве кому-нибудь приходит в голову что-то подобное, когда в жизни все хорошо, когда есть теплый дом и гарантированный бутерброд с маслом к завтраку? Когда живешь себе и живешь и не задумываешься ни о чем...

Выходит, надо было задуматься. Надо было предполагать, пугаться, искать запасные варианты. Но опять же — кто это задумывается о вариантах, когда жизнь течет счастливо и беззаботно, обещая впереди еще больше счастья?

Но теперь-то, теперь... Зачем об этом думать? Только себя убивать. А она, Варя, и без того убита. Причем убита дважды за день. Если предательство можно считать убийством, конечно. Неожиданное предательство, будто нож в спину.

Краем глаза она увидела, как по проходу медленно бредут двое мужчин в форме, и вжалась испуганно в сиденье, сунув руки в карманы ветровки. И в самом деле, а если к ней подойдут, попросят билет показать? Что она им станет объяснять, если никакого билета нет и в помине? Что ей но-

Выбери меня

чевать негде? Ну да, ага... Они только этого ответа и ждут, чтобы попросить ее пройти на выход... Интересно, какой умник придумал это правило? А если, допустим, человеку и в самом деле ночевать негде? Хотя бы одну ночь — почему нельзя-то? Одну-единственную ночь, может, самую отчаянную в жизни...

Наверное, нельзя делать вид, что она боится. Наверное, надо сесть прямо, расслабить лицо и изобразить на нем безмятежность. Или хотя бы накинуть на него тень обреченности и усталости от долгого ожидания. Да, пожалуй, что так... Наверное, обреченность выглядит достоверней безмятежности. Пусть полицейские думают, что она транзитная пассажирка, волею судеб застрявшая на вокзале.

Наверное, все-таки Варя переиграла — то ли с обреченностью, то ли с безмятежностью. Не сориентировалась в промежуточных оттенках. Потому что один из полицейских напрямик направился к ней с явной готовностью задать свой сакраментальный вопрос...

— У вас есть билет, девушка?

— Нет... У меня нет билета.

— Но без билета находиться на вокзале в ночное время не положено... Ничего не поделаешь, такие правила...

— Да, я знаю. Я сейчас уйду, извините.

— А вам что, ночевать негде? Можем проводить вас до привокзальной гостиницы, хотите?

— Нет, не надо в гостиницу. Все равно у меня денег нет.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Как же так, девушка? Может, и документов у вас никаких нет?

— И документов нет. То есть они есть в принципе... Но с собой нет.

— А прописаны вы где?

— У меня все в порядке с пропиской, правда.

Извините, я пойду...

— Куда вы пойдете?

— Домой пойду... По месту прописки.

— Точно?

— Да. Точно. Если нельзя ночевать на вокзале, я уйду.

Варя торопливо поднялась с места, и на лице полицейского отобразилось нечто вроде удивленного смятения — не ожидал такой быстрой реакции, наверное. Ожидал, что она будет канючить, плакать, просить. А чего просить-то? Нельзя так нельзя... Можно и уйти, по улицам побродить остаток ночи. Ей уж теперь все равно, куда свою душеньку неприкаянную приспособить...

— Господин полицейский... Или как вас там... Товарищ милиционер... Что ж вы молодую девушку в ночь прогоняете, так же нельзя! — услышала Варя за спиной возмущенный мужской голос и обернулась, движимая автоматическим любопытством — кто это, интересно, вдруг решил за нее заступиться?

Защитником оказался деревенского вида дядька, плотный, краснощекий, с розоватой блестящей лысиной. Добрый дядька, наверное. Надо бы подойти, спасибо сказать... Да ладно, обойдется. Она же не просила заступничества, вот и не надо...

Выбери меня

Ей теперь вообще ничего не надо. Ей теперь все равно. А пропадать и без лишнего заступничества можно. Так даже лучше. Чтобы вообще — ничего...

— Нет, что же это такое, гражданин... Товарищ... Как вас там теперь называют, не знаю! Что же вы делаете, а? Как вам не стыдно? — продолжал возмущаться дядька. — Это же превышение полномочий, между прочим! Сейчас не те времена! Вон сейчас на каждом углу рапортуют, что не человек живет для государства, а государство старается для человека! Вам разве вокзальной скамьи жалко? Что от нее, убудет за ночь, от этой скамьи? А вы... Это же произвол настоящий...

— А у вас билет есть? — равнодушно перебил его полицейский.

— У меня-то есть! Есть, конечно! Но речь ведь не обо мне!

— Прошу вас предъявить билет...

— Да вот же, пожалуйста! Вот мой билет! Отправление поезда в шесть утра!

Варя не услышала, чем закончился диалог доброго дядьки и равнодушного полицейского, — толкнула тяжелую дверь, вышла на улицу.

Шел дождь, дул сильный ветер. По привокзальной площади бежали редкие пассажиры — кто-то спешил поскорее нырнуть в теплый зал ожидания, кто-то бежал к стоянке такси, укрываясь от дождя под капюшонами и зонтами. У каждого была своя цель. А у Вари никакой цели не было. Оставалось только под дождь — и в ночь... У нее даже капюшона на куртке не было. И зонта тоже.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Она подняла воротник, сунула руки в карманы, поежилась. Да уж, если погулять по такой погоде часика три... Запросто можно схватить воспаление легких... А потом помереть под забором, да... И Ольга бы хоронила ее и плакала, плакала...

Варя содрогнулась, испугавшись, как далеко зашла в своих обиженных мыслях. Ольга ведь ей, по сути, ничем не обязана... И обвинять ее в чем-то — сущий инфантилизм, честное слово. Детская обидка. Ведь если не считать их ссоры, которая произошла вечером, больше и предъявить Ольге нечего.

Но все-таки хотелось бы знать, Ольга немного раскаялась после ссоры или нет? Она ж ей родная сестра, не чужой человек... Наверное, звонила кому-нибудь, узнавала, куда она напросилась с ночевкой... Может, и ей звонила. А только чего звонить — батарея на телефоне давно села... Еще тогда, когда она от Максима ушла. С чемоданом. Чемодан был тяжелый, а душа — пустая. И было очень страшно и больно. Даже дышать было страшно, будто пустота давила на ребра, пытаясь протечь сквозь них. И Варя казалось — а хорошо бы, чтоб она сдулась, как воздушный шарик, и совсем бы исчезла... Все лучше, чем вот так, под холодным дождем...

— Эй, девушка, подождите! Ну куда вы идете, подождите...

Варя резко обернулась, облизнула мокрые от дождя губы. А может, они от слез были мокрые. Непонятно. Да и не все ли равно!

Давешний дядька бежал за ней, волоча за со-

Выбери меня

бой тяжелый чемодан. Вернее, не бежал, а пытался бежать, пыхтя как паровоз.

— Подождите... Подождите же, девушка, куда вы так торопитесь... Я зову вас, зову, а вы не слышите...

Варя остановилась, резко обернулась к дядьке и проговорила не очень вежливо:

— Ну что, что вы хотите от меня? Благодарности за ваше заступничество? Но я ведь ни о чем таком не просила...

— Да господь с вами, милая, какая такая благодарность... Не нужно мне вашей благодарности! Только ведь дождь на улице... Ночь... А вы одна...

— И что?

— Как это — что? Разве можно молодой девушке одной ночью? Да еще в такое ненастье! Вы же промокнете... К тому же холодно ночью, и вы совсем замерзнете...

— И что вы предлагаете? Хотите вместе со мной промокнуть и замерзнуть?

— Да нет, что вы... Давайте лучше в кафе посидим. Там тепло...

— Да не пойду я с вами в кафе!

— Ну почему же? Хотя... Вы меня, наверное, не так поняли! Я ж ничего такого... Такого плохого и в мыслях не держу... Я ж от души предлагаю! Тем более мне и самому надо время убить, до моего поезда еще три часа... Не верите? Хотите, билет покажу?

— Да зачем же мне ваш билет, я же не полицейский...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Нет, отчего же? Я могу показать!

— Не надо, — замотала головой Варя. — Я вам верю.

— Тогда пойдете! Холодно же на улице... Вон я уже весь промок. А кафе тут рядом, за углом... Оно как бы при вокзале, и потому круглосуточное... Чебуреки там очень даже неплохие, я ел!

Дядька так вкусно сказал про эти самые чебуреки, что Варин рот моментально наполнился голодной слюной. И впрямь, когда она сегодня в последний раз ела? Кажется, вообще ни разу... Если не считать утренней чашки кофе, той самой, перед разговором с Максом... Да, тогда она съела кусок сыра без хлеба. Очень вкусно, когда пьешь кофе вприкуску с сыром.

— Ладно, пойдете. Только у меня денег нет, — развела руками Варя. — Так уж вышло, простите.

— Да это ничего, я же понимаю, что вы... У каждого в жизни выпадает такой момент, когда вот так... Это я понимаю, да... Идемте, идемте, пока совсем не промокли! Это совсем рядом...

Так они и зашли в кафе странной парочкой — толстый деревенский дядька с чемоданом и дрожаящая от холода и несчастья пигалица с прилипшими к щекам мокрыми волосами. Впрочем, оценивать их как парочку было некому — в кафе об эту ночную и ненастную погоду почти никого не было. Зато — о, чудо! — в кафе был камин, хоть и не настоящий, а электрический, но

Выбери меня

тепло от него шло основательное, можно сказать, агрессивное.

Варя на ходу стянула с себя куртку и села за столик, который ближе всего стоял к камину. И только сейчас почувствовала, как сильно устала. А может, просто силы закончились...

Дядька суетился у нее за спиной, приговаривал быстро себе под нос:

— А вот мы сейчас чайку горяченького... Да с чебуреками... А курточку я вот тут, на соседнем стульчике, расположу, чтобы просохла... А где ж официанточка, чего не идет? Уснула, что ли? Вы сидите, а я на разведку схожу, может, и впрямь уснула...

Варя усмехнулась, отметив про себя — как у дядьки все звучит мягко и округло: курточка, стульчик, официанточка... Наверное, он очень добрый дядька. А еще, наверное, у него семья большая и дружная, и он всех домочадцев нежно любит. Что ж, повезло им... Кому-то много любви в жизни перепадает, а кому-то — с гулькин нос. Нет справедливости в распределении любви, ничего не поделаешь.

Дядька вскоре вернулся, сел напротив Вари, доложил торопливо:

— Я заказал чаю горячего, чебуреков да пирожков сладких... Еще сосиски хотел, да они тут невкусные, я пробовал. Или надо было сосиски?

— Нет, нет, не надо... — торопливо отказалась Варя. — Я только чаю выпью и чебурек съем... Я вообще мало ем, знаете ли. Могу быть сыта рисовым зернышком, как Дюймовочка.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Оно и видно, что ж... — почему-то грустно вздохнул дядька, мельком глянув на нее. — Все вы тут в городе со своими диетами с ума посходили... Вот в наше время как было? Чем девка справнее, тем она больше у парней в моде! А сейчас что? Кожа да кости, жалкость одна... О, а вот и наш чай с чебуреками! Молодец официанточка, расстаралась!

Когда расторопная «официанточка», оказавшаяся пухлой возрастной теткой с траченными перекистью химическими кудряшками, вальяжно удалилась, Варя протянула руки, оплела пальцами горячую чашку, закрыла на мгновение глаза. Вот оно, последнее плотское удовольствие. Много ли надо несчастному человеку в его несчастье — ощутить крупицу тепла продрогшими пальцами... А чебуреком как вкусно пахнет! Мясом и горячим жареным тестом! Это ж можно с ума сойти...

— Да вы ешьте, девушка, ешьте... Чебурек надо горячим есть, чтобы мясной сок не остыл... — заботливо посоветовал дядька.

— Спасибо... Меня, кстати, Варей зовут. И ко мне можно на «ты».

— О, Варя! Варвара, значит! Хорошее имечко! Мою матушку покойную Варварой звали...

— А вас как зовут?

— Так Сергей Семеныч я... А фамилия моя — Караваев.

— Очень приятно, Сергей Семеныч. Спасибо вам за угощение.

— Да на здоровье, что ты... Ешь давай... Еще не угостилась, а уже благодаришь...

Выбери меня

Варя взяла обеими руками чебурек, откусила. Сок брызнул ей на щеки, и она отпрянула от неожиданности, чуть не подавившись.

— Ой, ну что ты, господи... — замахал руками Сергей Семеныч, сострадательно выпучив глаза. — Я ж тебе говорю — там соку мясного много, осторожнее надо... Вот, возьми салфеточку, оботрись...

— Я ж не жнала... — подавив неловкий смехок, проговорила Варя, торопливо прожевывая, — а правда, вкусно-то как...

— Так я ж говорю... Ну, ешь давай, ешь...

Варя ела, торопясь и обжигаясь, а Сергей Семеныч молчал, смотрел, как она ест. Было в его взгляде что-то такое... Жалостливое, но вовсе для нее не обидное. Так, наверное, смотрят любящие отцы на своих блудных детей.

Когда она, съев два чебурека и выпив чашку чаю, откинулась на спинку стула, он произнес твердо, в совсем уже другой тональности:

— Ну, давай, дочка, рассказывай... Что у тебя там стряслось...

Варя напряглась, спросила с холодной настороженностью:

— Чего я должна вам рассказывать?

— Ну как, чего... Почему на вокзале ночуешь? Как так получилось?..

— Хм! Станный вы, Сергей Семенович! И вопросы у вас странные! Я ж не спрашиваю, почему вы на вокзале ночуете, правда?

— Так я чего... Со мной-то как раз все понятно! У меня поезд в шесть утра! Опоздал я на